

Аноним

Уважаемая Серафима Игнатьевна!

Пишет Вам один из Ваших соседей, обеспокоенный непристойным поведением Вашего легкомысленного супруга, который, пользуясь Вашей доверчивостью, изменяет Вам направо и налево с женщинами лёгкого поведения, коих в наше время развелось немало на просторах Отчизны.

Знаете ли Вы, к примеру, любезная Серафима Игнатьевна, что в эти предновогодние дни Ваш коварный супруг изменяет Вам со Снегурочкой? Да-да, я не шучу! Будучи актёром краевого драмтеатра, он подрабатывает в роли Деда Мороза, разнося вместе с юной актрисой в наряде Снегурочки подарки детям по разным адресам, так сказать, по заявкам родителей,—и в этом, казалось бы, нет ничего особенного. Но! После каждого такого визита к детишкам Дед Мороз заезжает к Снегурочке в гости—и там они предаются плотским утехам.

Будьте бдительны, дорогая Серафима Игнатьевна!

С Новым годом Вас, с новым счастьем!

Ваш доброжелатель.

30 декабря 2017 года

.....

Глубокоуважаемый господин губернатор!

Не хочу омрачать Ваше праздничное предновогоднее настроение, но вынужден довести до Вашего сведения печальную весть. Ваша любимая дочь Маргарита оказалась неблагодарной девицей, готовой ради презренных денег разрушить карьеру своего отца.

Да, это так. Мне доподлинно известно, что Маргарита продала Вашим оппонентам компрометирующие Вас документы, связанные с прошлогодним делом, касающимся банкротства «Сибстройбанка», к которому Вы были причастны. Боюсь, что предотвратить скандал уже невозможно, но Вы сможете успеть хотя бы разобраться с коварной Маргаритой и не допустить чрезмерной огласки.

С Новым годом Вас, с новым счастьем!

Ваш верный избиратель и давний почитатель.

31 декабря 2017 года

.....

Многоуважаемый господин Президент!

Во первых строках моего письма поздравляю Вас с Новым годом, желаю здоровья и счастья в личной жизни, а также надеюсь, что сбудутся все Ваши мечты и грандиозные планы.

А во вторых строках моего письма спешу сообщить, что в нашем славном сибирском городе Кырске окопалась банда Ваших врагов и завистников. Это не только зарвавшиеся и проворовавшиеся чиновники и олигархи, но и некоторые из представителей так называемой творческой интеллигенции и так называемого креативного класса, которых простой народ справедливо именуется «либерастами» и национал-предателями. Именно они сочиняют про Вас всевозможные пасквили и анекдоты, распускают под видом невинных шуток злобные сплетни и клеветнические домыслы. Именно они, эти псевдоинтеллигенты, квазихудожники и лжеписатели, затуманивают сознание юного поколения, провоцируя молодёжь на мелкие бунты и митинги по ничтожным поводам.

Имя им—легион. Особенно же отличаются в этом гнусном деле такие кырские литераторы, как прозаики Мышкин и Курочкин, а также поэты Гребёнкин и Хомяков.

Пока не поздно, господин Президент, наведите порядок в этой гнилой среде, в этом зловонном болоте! Давно пора внести в Конституцию РФ новые статьи о запрете антипатриотической деятельности наиболее оголтелых представителей творческой интеллигенции, об уголовной ответственности для тех, кто расшатывает основы государственного строя. Нельзя им позволить согнуть неггибаемую вертикаль власти!

С верой, надеждой и любовью—Ваш вечно и верноподданный аноним-доброжелатель.

1 января 2018 года

.....

Уважаемый господин прокурор!

Ваша честь!

Прежде всего, позвольте поздравить Вас и всю нашу славную краевую прокуратуру с наступившим Новым годом! Будьте счастливы!

А теперь я хочу чистосердечно покаяться и признаться в содеянных мною тяжких прегрешениях. Дело в том, что вот уже на протяжении многих лет я забрасываю анонимными письмами разных людей, начиная с соседей по дому и до самого президента страны. Долгое время мне казалось, что я делаю доброе дело, пытаюсь вернуть справедливость, но сегодня утром, когда по радио звучал государственный гимн, меня вдруг осенило, что сей путь порочен и бесперспективен. Нельзя прятаться за маску анонима, если хочешь добиться справедливости!

И вот я каюсь, каюсь, каюсь.

Прошу привлечь меня к уголовной ответственности и подвергнуть строжайшему наказанию.

На конверте указан мой адрес, а своё имя я назову при личной встрече, на первом же допросе. Жду повестки!

С низжайшим поклоном и глубочайшим при-
сorbием—Ваш аноним-доброжелатель.

5 января 2018 года

Привет, придурок.

Предлагаю тебе заткнуться и сменить жанр—пей-
реиди на мемуары, то ли.

Уменя нет времени и охоты разбираться в твоих
доносах. Скажи спасибо, кретин, что ни губерна-
тор, ни президент не приняли всерьёз твои кляузы.
Ничего нового ты не сообщил. Все твои «страшные
тайны» легко найти в сми, в Интернете.

Твоё место— в дурдоме.

Ты туда хочешь?

Могу устроить. Местечко для патриота най-
дётся.

А если не хочешь—заглохни и сиди, как мышь,
в своей норке. Понял, мудак?

И больше никому ни слова, ни строчки, ни
звучка, ни писка.

Твоё имя меня не интересует.

И никому в этом мире не интересно—кто ты
такой.

Ты никто. Ты пустое место. Ты моль. Ты ноль.

С прокурорским приветом!

И с Рождеством!

7 января 2018 года

Всем, всем, всем!

В моей смерти прошу никого не винить.

Я напрасно ждал, когда же за мной придут,
когда меня заберут, арестуют... Но никто за мной
не приходит, никто меня не забирает. Я никому
не нужен. Я совсем никому не нужен. Я совсем-
совсем никому-никому не нужен. И не всё ли
равно—как меня зовут? Никому это не интересно.

Прокурор был прав. Я никто. Я пустое место.
Я моль. Я ноль.

А ведь так много всего хотелось, так о многом
мечталось! Мама верила, что я буду счастлив и
что меня полюбят... Мама, прости. Я не оправдал
твоих надежд.

Я и сам не помню—как меня зовут. И не всё ли
равно? Ну—Иван Петров, ну—Евгений Хоменко,
ну—Абрам Печкин, ну—Джон Леннон...

Не помню, совсем ничего не помню.

Всем привет.

И до скорой встречи. Любящий всех вас и не
любимый никем—

Аноним.

13 января 2018 года

Экскурсия

—Дорогие друзья! Дамы и господа! Глубокоува-
жаемый господин губернатор и многоуважаемые
господа депутаты Законодательного собрания
Кырского края! Дорогие кырчане и гости нашего
города! Добро пожаловать на первую экскурсию
в мемориальную квартиру нашего замечатель-
ного земляка, знаменитого сибирского писателя,
прославившего своими произведениями родной
Кырк и всю нашу необъятную Сибирь-матушку!..
Проходите, проходите! Не случайно мы открыва-
ем этот новый музей именно сегодня, накануне
Рождества Христова,—ведь именно в этот день
десять лет назад хозяин этой квартиры ушел из
бренной жизни, как говорится, в мир иной, откуда
и наблюдает сейчас за нами с присущим ему добро-
желательным любопытством. Вам особенно повез-
ло—ведь вы первые экскурсанты, переступившие
порог этого некогда гостеприимного жилища.
—Наша экскурсия начинается прямо здесь, в
прихожей, где вы видите подлинную одежду пи-
сателя—его пуховик, старую дублёнку, две куртки,
плащ, зимнюю шапку и шарф. А также его обувь.
Кстати, все экспонаты в музее—подлинные. Над
входной дверью вы видите подкову на гвоздике—
символ удачи, а рядом—две маски. Вот эта карна-
вальная маска привезена писателем из Венеции, а
эту, индонезийскую, он купил в Ялте, незадолго до
того как Крым стал наш... А на этом стеллаже, тут
же, в прихожей,—книги из библиотеки писателя,
на многих страницах сохранились его пометки. Эта
дверь ведёт в ванную комнату, там ванна и унитаз,
на котором частенько сидел по утрам писатель,
сочиняя новые стихи и рассказы...

Всё в мире—повод для пародии,

Всё, начиная с мудрых книг.

Земля кишмя кишит уродами.

И я—прекраснейший из них!..»

—Не пугайтесь, господа, это голос хозяина, за-
писанный на магнитофон во время одной из его
последних творческих встреч с читателями. В на-
шей сегодняшней экскурсии он будет незримо
сопровождать нас, читая свои стихи...

Словно хочет вернуться, хочет помочь...

А как проснусь—её нет!..

— Прощу, не стесняйтесь, проходите в комнату! Не удивляйтесь, что в этой глиняной вазе на полу стоит небольшая ёлка, украшенная игрушками,—я же вам говорил, что писатель ушёл из жизни накануне Рождества... Да, он жил в однокомнатной квартире, но ему здесь не было тесно, ведь он жил один. Одиночество было необходимо для творчества. Одно время он держал в клетке двух попугайчиков, но даже они своим пением мешали ему сочинять—и он избавился от этих птичек.

— Слева, за шторой, вы видите старую двупальную железную кровать с никелированными спинками и панцирной сеткой. На этой кровати спала ещё мама писателя, здесь же он был зачат—много лет назад, в Магнитогорске. С этой кроватью были связаны разные воспоминания, вот почему писатель никак не хотел покупать новую. Он привык окружать себя памятными вещами, которые скрашивали ему одиночество.

Стоит только подумать,

Стоит только сказать,

Стоит только проснуться, очнуться, подняться,

Стоит только напрячься и смело всё снова начать,

Стоит только за дело приняться,

Стоит только вздохнуть и коснуться нагого плеча,

Стоит песней восторга наполнить молчанье пустое,

Стоит только понять, как весенняя кровь горяча,

Стоит только...

Но как это дорого стоит!

— Слева от кровати вы видите зеркальный шкаф с одеждой и книгами, а с правой стороны—несколько книжных полок. На стене над кроватью висит замечательная картина «Охотники на птиц», подаренная писателю его другом, известным сибирским художником. Кстати, ещё несколько произведений этого живописца украшают стены квартиры-музея. Да, вот этот городской пейзаж, и вот это «Солнечное затмение», а это—портрет писателя в молодости, где он изображён сидящим с бокалом вина в руке. На стенах квартиры можно увидеть картины и других сибирских художников, подаренные ими нашему писателю.

— Да, конечно, фотографировать можно. Проходите, пожалуйста. Ближе, ближе. В этом шкафу и сейчас хранятся вещи хозяина. А вот эта кушетка, предназначенная для гостей, в последние годы жизни писателя была завалена книгами, журналами и альбомами по искусству—теми новинками, которые ему дарили многочисленные друзья, собравшие по перу и по пирам. На стене—ковёр, над которым вы видите фотографию молодой красивой женщины—это мама писателя в молодости, ещё до его рождения.

Мне мама снится каждую ночь

Вот уже много лет—

— Перед вами главный экспонат музея—письменный стол, за которым хозяин создавал свои чудесные, трогательные, грустные и озорные стихи, рассказы и повести, и сегодня радующие и доводящие до слёз нас, его благодарных читателей. В ящиках стола хранятся его черновики, записные книжки и дневники, которые писатель вёл на протяжении многих лет и которые вскоре будут изданы отдельной книгой, а потом составят последний том его полного собрания сочинений. На столе вы видите перекидной календарь, да, тот самый, открытый на последнем дне жизни писателя, и тут же—его ноутбук, где сохранилась его электронная переписка с различными людьми и все его литературные тексты в электронном варианте. А это—сервант с посудой, где советую обратить внимание на любопытные сувениры—старинный веер, серебряные рюмки, шишка пинии, монеты разных стран и эпох, карманные часы на цепочке... Тут же—визитные карточки деда писателя, который был ветеринарным фельдшером и умер от чахотки во время Первой мировой войны. А эта юная девушка на снимке—первая любовь писателя, следы которой, к сожалению, затерялись...

Ты, конечно, опять же, как прежде, права, моя ласковая. Совесть твоя чиста.

Девочка! Птичка! Ласточка!

Сжался, ради Христа...

— А это—значок «Ворошиловский стрелок», который когда-то получила мама писателя, очень метко стрелявшая... И опять же—книги, книги. — Ну, на балкон мы с вами выходить не будем—не дай Бог, обрушится... На подоконнике вы видите груды книг, настоящий человеческий череп—как напоминание о бренности земного существования (кстати, сам писатель шутил, что это череп последнего в мире читателя), а на ломберном столике, который достался хозяину от его бабушки, старой учительницы, красуются памятные вещицы—чугунная статуэтка Дон Кихота, два старинных бронзовых подсвечника со свечами, библия и молитвослов. А это—жестяная шкатулка из-под монпансье тысяча девятьсот тринадцатого года, посвященная трёхсотлетию дома Романовых и украшенная барельефами представителей этой династии, от юного Михаила до святого мученика Николая Второго...

— На стене справа вы видите фотографию отца писателя, который пропал без вести во время Великой Отечественной войны и так ни разу и не увидел своего славного сына, родившегося уже после его ухода на фронт, а также снимки бабушки и дедушки по материнской линии и другие семейные фото—сыновья и внуки писателя,

а над ними—весьма качественная репродукция на холсте и в рамке знаменитой мадонны с младенцем великого Леонардо. На полке—статуэтки, бюстики Пушкина и Фрейда. А это—телевизор, приёмник, проигрыватели для дисков и для виниловых пластинок, которые любил слушать хозяин дома.

Когда с экрана поёт хор мальчиков,
Душа печалится и вздрагивает,
И рой нежнейших детских пальчиков
Сердца усталые затрагивает...

— Ну и ещё один большой стеллаж с книгами... Обратите внимание на эти иконы—Богородица, Христос, Николай Угодник. Под ними висит медное блюдо с надписью на арабском: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет—пророк его». Ещё ниже—кукла Санта-Клауса—как символ детской языческой веры в чудеса... То есть писатель был весьма толерантен в вопросах веры... да и в других вопросах тоже... Но главное—он очень любил жизнь во всех её проявлениях!

В жизни очень много хорошего—
Этим она и ужасна,
Ибо всё в конце концов отнимает
Немилосердный Господь...

— Нет, пожалуйста, руками трогать не надо!
— На кухне задерживаться не будем—тут нет ничего особенно интересного, кроме разве что фотографии этой девочки—любимой внучки писателя—и нескольких картин на стенах... И опять же—книги, книги... Даже на кухне—книги.
— Что ж, экскурсия наша близится к завершению. И вот, наконец, большое зеркальное трюмо, вернее—трельяж, перед которым писатель брился, причёсывался, одевался, собираясь куда-нибудь в гости или на встречу с читателями... Конечно, вы можете заглянуть в это зеркало—и, быть может, увидите там отражение нашего дорогого и бессмертного хозяина... Я шучу, конечно! Хотя—что это?! Господи Боже мой—я его вижу, вижу! Как—где? Да вот же—в этом трюмо! В этих трёх зеркалах—*он стоит там и смотрит на меня...* На нас... Он над нами смеётся!

Мы всё чаще молчим, говорим всё короче.
Оглянись—мы остались одни.
Превращаются в белые ночи
Наши дни...
...Хочешь не хочешь.
Люби, кляни.
Белые ночи.
Чёрные дни.

— Фу ты, Господи... Надо ж такому померещиться!.. Успокойтесь, там, в зазеркалье, нет никого. То есть—*там вообще никого нет!* Ни его, ни меня, ни вас, дорогие гости... Да не шучу я! Не верите—посмотрите сами! Там нет никого! Ни-ко-го! А раз

это зеркало нас не отражает—значит, нас никого и не существует... Ни вас, господин губернатор, ни вас, господа депутаты, ни вас, дорогие братья-писатели, ни меня самого! Ни-ко-го!

— Да что же это такое, в конце концов?! Куда же мы все подевались?

— И кому я всё это сейчас рассказываю?

— И зачем?

— И где я сам?!

— А может, я снюсь кому-то?..

— Но кому? Неужели—ему?!

— Да, конечно. Вон он смотрит на меня из зеркала! И показывает мне язык! А вот он смеётся, хихикает... А вот он закрыл глаза... Спит он, что ли?! А я—снюсь ему, это точно!

— Просыпайся скорей, проклятый! Просыпайся, гад!

Навигатор

У Зайцева никогда не было своего автомобиля. И водительских прав у него тоже нет. А у жены Насти есть и автомобиль, и права. Но у неё нет свободного времени, а тут срочно потребовалось купить новогоднюю ёлку. Правда, Новый год уже прошёл—Зайцевы встретили и Новый, и старый, но тут вдруг выяснилось, что сегодня вечером к ним должны прийти гости—друзья жены с детьми... а у Зайцевых нет новогодней ёлки. Игрушки есть, а ёлки нет. Вот жена и заставила срочно ехать на рынок за ёлкой.

— Без ёлки не возвращайся!—строго сказала она.— Среди гостей будет мой новый непосредственный начальник—он нас не поймёт. С ним будет его пятилетний сынишка—он тоже нас не поймёт.

— Может, просто веточек еловых купить?—предложил Зайцев.

— Купи ёлку!—приказала жена.— И не трать время на пустые споры. Садись в машину—и дуй на рынок!

— Но у меня же нет прав...—заикнулся Зайцев.

— Ничего, проскочишь. Давай шевелись! А мне надо готовить праздничный ужин. У нас ведь нет кухарки.

— Шофёра у нас тоже нет...—робко вякнул Зайцев.

— Ты ещё здесь?!

И он кинулся к лифту—и через минуту уже сидел в машине марки «хонда». Слава Богу, завелась сразу—и вот он едет судорожными рывками по направлению к рынку.

И всё было бы хорошо, но тут вдруг на улице погасли все фонари—и сразу стало темно, хотя был ещё не поздний вечер. Что за фигня?! Зайцев включил фары—но от волнения проскочил лишний перекрёсток и выехал явно не туда... И чуть не врезался в фонарный столб!

Тут он вспомнил про навигатор—и включил голосовое сопровождение.

— Поверните налево! — сказал навигатор хрипловатым британским голосом.

Зайцев повернул.

— А теперь поверните направо!

Зайцев повернул направо.

— А теперь — прямо — пятьсот метров!

— Есть, сэр! — радостно откликнулся Зайцев.

— Меньше болтай, следи за дорогой! — приказал навигатор голосом жены.

«Вот до чего дошла техника!» — мысленно воскликнул Зайцев.

— До чего ты дошёл, придурок? — ехидно заметил навигатор голосом жены.

— А что такое?

— Поверни налево, идиот! Мы уже приехали! Покупай ёлку — и возвращайся домой!

— Йес, мэм!

— Заткнись, кретин! Проверь, чтоб ёлка была не кривая!

Зайцев молча отдал честь навигатору, остановил машину и вышел возле горбатой тётки, торгующей ёлками. Через пять минут машина мчалась обратно. Ёлка лежала, благоухая, на заднем сиденье.

— Не гони так быстро! — приказал навигатор голосом жены. — Не забудь, что у тебя нет прав...

Зайцев молча кивнул.

— И не нажирайся, когда гости придут, — предупредил навигатор голосом жены. —пей только шампанское. К водке не прикасайся. Не позорь меня перед гостями.

— Да когда я?..

— Заткнись! Слушай, что говорю. Выпьешь фужер шампанского — и вали в свою комнату. Можешь писать там свои дурацкие рассказы. Без тебя будет воздух чище.

— Что-то ты слишком уж строго со мной...

— Заглохни! За дорогой следи! И не вздумай завести за столем речь о политике! Не позорься! Ни слова о президенте! Помни, что скоро выборы! Не корчи из себя либерала-диссидента!

— Ну, знаешь!.. — возмутился Зайцев.

— Молчи — и слушай. Делай, что тебе говорят. Хочешь хорошо и спокойно жить — слушайся меня. Не хочешь меня потерять — не вякай. Твоё слово — десятое. Твоё дело — говорить «да» и «так точно». Других прав у тебя нет.

— Да, — сказал Зайцев. — Так точно. Прав у меня нет.

— Ты не прав, — возразил навигатор голосом президента. — У тебя есть все права, гарантированные нашей Конституцией. Просто ты не умеешь себя правильно поставить. Ведь ты — муж, глава семьи. Ты отвечаешь за стабильность и процветание своей семьи. А главное в семье, как и в стране, — это стабильность!

— Но как её добиться?

— Укрепляй вертикаль власти! — крикнул президент. — К чёрту гнилой либерализм и оппортунизм!

— Господи... — прошептал я. — Что мне делать, Господи?!..

— Да плюнь ты на них на всех, сынок, — сказал навигатор голосом моей мамы, царствие ей небесное. — Всем ведь не угодишь. Как совесть подкажет — так и делай...

— Спасибо, мамочка, — прошептал я, чуть не плача. — Я постараюсь...

— Вот и молодец, — сказал навигатор голосом покойной мамы. — За это я тебя и люблю, мой сладенький...

Я хотел спросить, что такое совесть, но тут машина подъехала к дому, где меня уже ждали гости и строгая, но справедливая жена.

Ночной обход

Завидую тем, кто встречает Новый год дома, в кругу семьи, возле празднично убранной ёлки, под звон бокалов с искрящимся шампанским.

Сочувствую тем, кто в новогоднюю ночь охраняет границы Родины, летает в космосе, ловит преступников, сторожит вверенные объекты, сидит в тюрьме, лежит пьяный в канаве.

Мне тоже не повезло — этот Новый год я встретил на ночном дежурстве в Кырской городской психиатрической больнице имени Чехова. Вместо шампанского мы с дежурной медсестрой Ниной выпили в ординаторской по стаканчику домашней рябиновой настойки, закусили мандаринами, посидели возле телеэкрана, с которого президент вскоре должен поздравить всех россиян с Новым годом, — и отправились на ночной обход.

В женском отделении почти все уже спали. Лишь безумная Марина декламировала странные стихи, размахивая руками:

С Новым годом — светом — краем — кровом,
Первое письмо тебе на новом...

— Тише, Мариночка, — перебила её медсестра Нина. — Не кричи, больных разбудишь...

Но Марина не унималась:

Братья! В последний час
Года — за русский
Край наш, живущий в нас!
Ровно двенадцать раз —
Кружкой о кружку!..

— Может, её фиксировать и купировать? — обратился ко мне медсестра.

— Нет, не будем портить праздник, — возразил я и подошёл ближе к пациентке. — Вы, Марина Ивановна, пожалуйста, успокойтесь... После обхода я разрешу вам пойти с нами в столовую, там новогодняя ёлка, телевизор, проигрыватель — под музыку и отметим...

— Да вы что, доктор?! — изумилась медсестра. — Какая музыка? Шеф узнает — нам с вами такую взбучку задаст!..

— Всю ответственность беру на себя, — сказал я.
— Доктор, вы гений! — воскликнула Марина. — Новый год должны праздновать все — здоровые и больные, богачи и бедняки, либералы и патриоты! Новый год — общенародный, общечеловеческий праздник! И каждый — со своей — экземой!..
— Тише, тише, — я ласково потрепал её по плечу. — Шуметь не обязательно. Кто хочет спать — тот спит. Кто хочет праздновать — тот празднует. Мы живём в свободной стране. Но следует уважать свободу других... А вам, Марина Ивановна, я бы добавил таблеточку тизерцина...

— Будет сделано, — кивнула медсестра.
— Доктор, вы — мой ангел-хранитель! — воскликнула Марина, глядя на меня влюблёнными глазами.
— Марина, не верьте мужчинам в белых халатах! — заговорила вдруг молчавшая до сих пор бледнолицая пациентка с соседней кровати. — Вы же сами недавно мне признавались, что мечтаете о мире, населённом одними женщинами...

— Ах, Софья, любовь моя... — прошептала Марина. — Не ревнуй, не слушай, не жалеяй, не верь, не думай...

— А эта красавица почему здесь?! — строго спросил я у медсестры. — Завтра же переведите её в другую палату! Зачем потакать лесбиянкам? У нас тут не дом свиданий!

— Ох, я совсем забыла, — смутилась Нина. — Они мне своими стихами голову заморочили! Сегодня же переведу...

— Не сегодня — завтра.

— Ах, доктор, вы — палач! — воскликнула Марина, заламывая руки. — Бог вас накажет!

А Софья привстала на кровати, вскинула руки и продекламировала, обращаясь, конечно, к Марине:

Не кошунствуй, пожалуйста!
Лучше пей, сквернословь!
Не по страсти — по жалости
Узнаётся любовь...

— Тише, тише, Софья Яковлевна, — пытался я её успокоить. — Скоро пойдём в столовую, под ёлку, — там и почитаете...

— О, доктор! — взмолилась Софья. — Не разлучайте нас с Мариной!

— Успокойтесь, ради Бога...

— При чём тут Бог?! — воскликнула Марина. — Здесь вы — наместник Бога!

— Мариночка, вы прелесть, — прошептала Софья — и, протянув к ней руки, произнесла с надрывом:

Глаза распахнуты, и стиснут рот.
И хочется мне крикнуть грубо:
«О, бестолковая! Наоборот —
Закрой, закрой глаза,
Открой мне губы!..»

— Ф-фу, страсти какие... — вздохнул я. — Ну что, пошли в мужское отделение?

— В общей мужской палате я уже была, там всё спокойно, все спят, — сказала медсестра. — Может, сразу пойдём в палату строгого надзора?
— Пошли.

Стараясь не шуметь, мы прошли через общую мужскую палату, сопровождаемые многоголосым храпом и стоном. Спали все, даже санитар.

В палате строгого надзора находились самые серьёзные пациенты. Некоторые не спали, провожая нас тревожными взглядами.

— Как вы себя чувствуете, Николай Васильевич? — спросил я у худого остроносого пациента с усиками и горящим взором.

— Доктор, мне приснилось, будто я заснул летаргическим сном и меня заживо похоронили... И вот я проснулся — в гробу! — он схватил меня за рукав халата цепкими пальцами. — Доктор, это ужасно! — Но ведь то был сон, всего лишь сон, — пытался я его успокоить. — Вот сейчас же вы тут лежите, живой и невредимый...

— А если это со мной и впрямь случится?! — прошептал безумец. — Я не хочу быть погребённым заживо! Доктор, я вас умоляю!

— Хорошо, хорошо, Николай Васильевич, успокойтесь... Я вам обещаю, что ничего подобного с вами не случится... — и я повернулся к медсестре: — Ниночка, будьте добры — продолжайте прежнее лечение. И галоперидол — не в таблетках, а внутримышечно... Пошли дальше.

Следующий пациент лежал на спине, смотрел в потолок, тербил рыжеватую бороду и бормотал: — Константинополь должен быть наш!.. Иерусалим тоже должен быть наш! И Гибралтар должен быть наш!

— А Крым? — спросила медсестра Нина.

— При чём тут Крым? — злобно посмотрел он на неё. — Крым и так наш...

— Как вы себя чувствуете, Фёдор Михайлович? — спросил я.

— А как может себя чувствовать русский человек в окружении немцев и жидов? — злобно ответил он.

— Где же вы видите немцев и... извините, прочих?

— Да вы сами у них на службе! — крикнул эпилептик — и вдруг тело его изогнулось дугой, на губах появилась пена, он забился в судорожном припадке и завопил: — А-а-а!..

— Быстро фиксируйте, — приказал я медсестре, — но только осторожно, смотрите, чтоб не прикусил язык... И срочно купируйте — внутривенно магнезию и... можно клизму с хлоралгидратом... да вы лучше меня знаете!

— Не волнуйтесь, — сказала Нина. — Всё сделаем как положено.

— Займитесь им, а я пойду дальше, — и я подошёл к кровати, на которой сидел, по-турецки поджав ноги, ещё один пациент. — Отчего вам не спится, уважаемый Даниил Иванович?

— Я боюсь проспать конец света, — ответил тот. — Разве вы не знаете, что этот Новый год — последний?

— Да что вы говорите? — изумился я. — И чего же нам следует бояться?

— Бояться ничего не надо, — и он рассмеялся. — Я обо всём позаботился. Каждому воздастся по делам его. Но надо достойно встретить конец света. Каждый должен заниматься своим делом. Вы должны лечить, мы должны болеть. Вор должен воровать. Палач должен казнить. Царь должен царить. Кстати, я всегда был за восстановление монархии в России. И сейчас с радостью вижу, что мечта моя близка к осуществлению. Скоро, очень скоро новый царь-государь взойдёт на кремлёвский престол! И не надо роптать. И не надо бояться. Всех нас ждут райские кущи.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно!

— А для кого же тогда предназначен ад? Если всех нас ждут райские кущи — кто же будет жариться на сковородке?

— Никто, — сказал Даниил Иванович. — Все окажутся в раю. Ад придуман для устрашения — чтобы люди вели себя прилично. Представляете, кто творилось бы на Земле, если б люди не боялись ада?

— Представляю, — кивнул я. — Достаточно посмотреть вокруг. Или — включить телевизор. Или — заглянуть в Интернет.

— Вы, конечно, шутите...

— А вы?

— Я? Я никогда не шучу, — сказал Даниил Иванович.

— Что ж... Поздравляю вас с Новым годом, — сказал я. — Может, какие-нибудь пожелания будут? Представьте, что я — Дед Мороз...

— Есть одно пожелание... — он встал в позу и продекламировал:

Дорогой начальник денег,
Надо в баню мне сходить.
Но без денег даже веник
Не могу себе купить!

— Bravo! — и я захолопал в ладоши. — Замечательные стихи. Вы талантливый сочинитель. Вы гениально сочинили всю свою жизнь. И даже свою болезнь, свою параноидную шизофрению — вы тоже сочинили!

— Что ж, по-вашему, я — симулянт?

— Как это в Священном Писании: «ты сказал!» — и я рассмеялся. — Конечно же, вы — махровый симулянт! Вы, наверное, просто боялись, что вас призовут в армию и отправят на фронт... ну признайтесь! Не бойтесь, я вас не выдам! И в историю болезни записывать не буду... клянусь! Мне вообще кажется, что все так называемые творческие люди — все они симулянты! И даже те, кто рвутся на фронт, — симулируют свой героизм! Лишь бы уклониться от реальной жизни!..

— Ну, знаете, доктор... — смутился Даниил Иванович и покачал головой.

— Может, сделать ему укольчик аминазина? — спросила медсестра.

— Нет, зачем же. Не станем портить праздник... — и я поднял вверх указательный палец. — А сейчас все, кто не спит, могут пойти с нами в столовую, к новогодней ёлке!..

— И я — тоже могу? — осторожно спросил Даниил Иванович.

— Конечно, друг мой! Добро пожаловать!

— Ох, доктор... Ну вы и либерал, — укоризненно прошептала Нина. — Зачем вы их балуете?

— Пусть потешатся, — сказал я. — Они же как дети!..

И вскоре в столовой вокруг новогодней ёлки, украшенной разноцветными огнями и игрушками, кружился хоровод счастливых сумасшедших. Тут были и Марина Ивановна с Софьей Яковлевной, и Фёдор Михайлович, и Николай Васильевич, и Даниил Иванович, и многие другие пациенты нашей замечательной психобольницы имени Чехова. Все они, взявшись за руки, кружились вокруг ёлки и пели вечную песенку про то, как в лесу родилась эта ёлочка, ну и так далее.

— А вы не бойтесь, что они перевозбудятся? — с тревогой спросила медсестра.

— Не волнуйтесь, Ниночка! Всё будет хорошо! Впрочем, на всякий случай приготовьте несколько шприцов с аминазином и тизерцином... И санитары пусть не дремлют. Но я верю, верю, что ничего плохого не случится. Всё будет хорошо! Всё будет очень хорошо! Вот увидите, Ниночка! Надо только верить и повторять: «Всё будет хорошо!..»

— А вы не шутите? — усомнилась Нина.

— Нет, я абсолютно серьёзен. Я верю, я твёрдо знаю, что в конце концов всё будет хорошо! А когда он наступит, этот самый конец концов, — одному Богу известно... С Новым годом, друзья! С новым счастьем!

Персона нон грата

Когда известного журналиста Андрея Скворцова, собкора газеты «Кырские вести», выдворили из Польши за якобы некорректное интервью, взятое им у тамошнего министра культуры, он сначала был удивлён и весьма раздосадован. Но потом понял, что просто стал очередной жертвой антироссийских санкций. Не очень, конечно, приятно, когда тебя, уважаемого и авторитетного корреспондента с многолетним стажем журналистской работы, объявляют персоной нон грата, нежелательным лицом, которому власти принимающей страны предлагают срочно убраться восвояси. Но, с другой стороны, Скворцов был даже рад, что наконец-то сможет вернуться домой, в Кырск, к молодой жене и любимому сыночку.

Особенно он соскучился по Насте, которая была третьей и последней его женой, подарившей ему долгожданного ребёнка. Ведь ему было уже за пятьдесят, когда родился ангел Ваничка... Как это у Тютчева? «О ты, последняя любовь! Ты и блаженство, и безнадежность...» Настя отказалась ехать с ним в Польшу, не желая ни оставлять сына с бабушкой, ни тащить его в чужую недобрую страну. Разлука с близкими людьми измучила Скворцова, и он с нетерпением ждал теперь возвращения домой. И всю ночь в самолёте не мог заснуть — предвкушал, как обнимет своих родных и любимых...

Но дома ждал его неприятный сюрприз.

Когда Скворцов рано утром поднялся в лифте на свой седьмой этаж («На седьмое небо!» — как любил он шутить) и нажал кнопку звонка на двери в квартиру, ему открыла заспанная, испуганная Настя в ночной сорочке. В её голубых глазах полыхнул ужас:

— Это — ты?!.

— Ну конечно, зайка! Твой блудный муж вернулся! А ты что, не рада?

— А почему ты не позвонил?... не предупредил?... Я тебя совсем не ждала...

— Да ладно, потом всё объясню. Принимай гостя! Ну, иди ко мне, моя лапотька! — и он обнял её, прижал, осыпал поцелуями её душистые волосы, её горячие щёки. — А чего ты дрожишь, зайка? Ваничка здоров?

— Ваничка спит... с ним всё в порядке... Андрюша, стой!... подожди... я сейчас... я тебе всё сейчас объясню...

— Да что случилось? — воскликнул Скворцов, потом напрягся, нахмурился — и вдруг всё понял: — Ты не одна? У нас в доме ещё кто-то есть?

— Да... Андрюша!.. ты только не волнуйся... Это мой школьный товарищ... он просто вчера засиделся — и я предложила ему у нас переночевать... Ты не думай!.. ты только не думай ничего такого...

— Дай-ка пройти, — Скворцов отодвинул жену в сторону, бросил в прихожей чемодан, снял со стены кривой самурайский меч, привезённый в прошлом году из Японии в качестве сувенира, и прошёл в спальню. — Та-ак... Очень интересно... Значит, школьный товарищ? Засиделся, говоришь? А потом — залежался? А ну, вставай, петух! — закричал он на перепуганного гостя, взлохмаченного молодого человека, совершенно голого, пытавшегося прикрыться одеялом. — Чтобы через три минуты тебя здесь не было! Пшёл вон!

И он вышел в коридор, к перепуганной Насте. — Ох, если б не Ваничка... — прошипел ей Скворцов. — Если б не сын — я бы вас тут на месте обоих... как бешеных собак! Искрошил бы на мелкие кусочки!

— Ты чего, Андрюша?! — всхлипнула Настя. — Между нами ничего не было! Я спала на диване! Я с ним не спала!

— Ага, рассказывай, — хмыкнул Скворцов. — На диване она спала... А на кровати — с ним трахалась! А спала потом — на диване! Так, что ли?

— Да он ко мне даже не прикоснулся!

— То есть вы — как Тристан и Изольда? Только те между собой меч положили, а у вас меч — на стене висел! Нестыковочка!

— Какой меч? При чём тут меч? — прошептала Настя. — Зачем ты меня пугаешь, Андрюша?..

— А зачем ты мне врёшь? Зачем ты спишь с этим раздолбаем? Хоть бы Ваничку постыдилась!

— Андрюша, пожалуйста, не кричи — Ваничку разбудить...

— Ничего... я ему про тебя всё расскажу! Он узнает про мамочку все её грязные тайны! Я тебе его не отдам! Сын останется со мной! А ты можешь убираться хоть на панель, хоть в бордель, хоть в монастырь!

— Ну... этого не будет... — тихо, но решительно возразила Настя. — Никуда мы с Ваничкой не уйдём... А ты — можешь идти хоть в Польшу, хоть в Японию, хоть на Северный полюс...

— Ах, вот ты как?! — взревел Скворцов, замахаясь на неё мечом. — Да я тебя щас!..

— Ну ударь, ударь... Оставь сына сиротой... А сам сядешь потом — лет на десять... Ударь!

— Ну и сука же ты, — пробормотал Скворцов, потом отбросил в сторону меч — и пошёл к входной двери. — Видеть тебя не могу!

— Андрюша, стой! — крикнула она вслед, но Скворцов уже вышел из ненавистной квартиры.

Догонять его Настя не стала.

Когда он явился в редакцию родной газеты, там его ждала ещё одна неприятная новость. Главный редактор ему заявил, что Скворцов должен немедленно написать заявление об увольнении по собственному желанию. Если, конечно, не хочет, чтобы его уволили по статье — за профнепригодность и в связи с предпенсионным возрастом.

— Славно же вы меня встречаете, — с горечью заметил Скворцов. — Выходит, и на родине я тоже — персона нон грата? А вам не кажется, шеф, что это уже перебор?

— А не надо было выпендриваться, не надо было писать хулиганское интервью... — и шеф вздохнул. — Ты же знаешь, старичок, какая в Польше сейчас русофобия... да и не только в Польше!

— Я же следовал вашим инструкциям! — вскричал Скворцов.

— Деликатнее надо было, дипломатичнее...

— Они даже не удосужились ничего объяснить! Просто выкинули меня, как шелудивого пса!

— Тамошние власти и не обязаны были объяснять причины, — вкрадчиво заметил шеф. — Согласно Венской конвенции тысяча девятьсот шестьдесят первого года, принимающая сторона вправе

отказать, если дипломат или журналист... или кто угодно... ну, ты понимаешь...

— Что ж, спасибо за корпоративную поддержку,— ехидно скривился Скворцов.— Не смею вас больше утомлять своим присутствием...

— Погоди, Андрей!— чуть смущённо сказал шеф, хватая его за рукав.— У тебя, вероятно, сейчас нет денег? Вот, возьми у меня... Когда сможешь— вернёшь. А расчёт получишь чуть позднее...

— Ну уж нет, спасибо,— Скворцов резко оттолкнул дрожащую руку шефа с двумя пятитысячными купюрами.— Я лучше на паперти буду побираться! А ваших подачек мне не надо. Потом ведь с процентами отдавать придётся!

И он вышел из кабинета, громко захлопнув за собой дверь.

«Господи, Господи,— бормотал Скворцов, шагая по мокрой после дождя улице.— За что мне всё это? В чём я провинился, Господи?!...»

И только он так подумал, поворачивая за угол, как перед ним выросло здание православной церкви со сверкающими на солнце золочёными куполами.

Словно ведомый чьей-то рукой, Скворцов, как лунатик, зашёл в храм, перекрестился, глядя на лик Спасителя, поставил перед иконой свечу, огляделся вокруг. Увидев коробку для пожертвований на ремонт храма, он достал из кармана последние деньги— несколько тысяч рублей, пересчитал их и засунул купюры в щель на крышке коробки. На душе стало легче.

Скворцов подошёл к священнику, стоявшему возле алтаря, осторожно тронул его за рукав— и пробормотал:

— Батюшка, благословите... ради Христа...

— Что тебя гнетёт, сын мой?— спросил священник, поворачиваясь к нему.

Они явно были ровесники.

— Я только что отдал последние деньги на ремонт храма...— пробормотал Скворцов.

— Благое дело,— улыбнулся священник.— И что же?

— Хотелось бы знать... Ну... поможет ли мне Господь...

— Молись— и Он услышит,— священник слегка напрягся.

— Но я ведь дал денег... Значит...

— Значит— что? И тебе не стыдно?!— рассердился батюшка.— Ты думал, что можешь купить милость Господа за свои паршивые деньги?! Христос изгнал торговцев из храма— а ты хочешь подкупить Христа?... Что за жидовская логика!

— А при чём тут?... Ну, если я даже по маме еврей— для Господа ведь нету ни эллина, ни иудея... Кстати, сам Христос был еврей— разве нет? Ведь национальность определяют по матери, а Мария была, разумеется...

— Замолчи!— перебил его священник.

— Батюшка, я пошутил насчёт своей мамы... Она была русская, ей-богу!

— Пошёл вон!— крикнул священник и даже топнул ногой.

Слава Богу, в храме в тот час почти никого не было— и на них не обратили внимания.

А Скворцов, как оплётанный, поплёлся из храма. И потом, словно пьяный, покачиваясь и спотыкаясь, долго шёл по улице, пока не добрёл до своего дома.

Он зашёл во двор, подошёл к подъезду, но тут вспомнил, что ему, по сути, некуда возвращаться и вообще некуда идти. И направился со двора.

Но, проходя мимо детской песочницы, он вдруг увидел мальчика, игравшего в песке с машинкой и самолётиком. Это был его сын Ваничка, трёхлетний русоголовый ангел, на круглой мордашке которого сияла блаженная улыбка, а синие глаза светились.

— Папа, дластуй,— сказал, радостно улыбаясь, сын и потянулся к нему испачканными в песке ручонками.— Я по тебе так скучал! Плавда, плавда!— Привет, моё солнышко!— подхватил его Скворцов, прижимая к себе родное тёплое тельце.

Поздний ребёнок— последняя любовь.

Они сидели в песочнице, обнявшись и что-то шепча друг другу. Скворцов не смог сдержать слёз, он прижимал к себе сына и всхлипывал, бормоча неразборчивые слова.

— Папа, не плачь... Всё будет холосо!— успокаивал его Ваничка.

— Сынок... Ты меня не бросишь?

— Никогда! Папа, я очень тебя люблю! Очень-очень!

— И я! И я тебя очень люблю!.. Больше мне просто любить некого!.. И меня больше никто не любит!.. Ты— мой единственный!..

На балконе седьмого этажа стояла жена Настя— в пёстром халате и тапочках. Она смотрела на них сверху в театральный бинокль. Лицо её было хмурым, глаза— сухими.

Первое свидание

Мне было пятнадцать лет, когда я, румяный девятиклассник, влюбился в свою одноклассницу Галю Аронову, смешливую озорную девчонку с распахнутыми карими глазками, вздёрнутым носиком и ямочками на круглых щеках. Я писал ей любовные записки, приглашая на свидания, но Галя лишь отмахивалась и хихикала, показывая эти записки своим подружкам. Но я не шутил! Я впервые тогда всерьёз влюбился— и всячески пытался обратить на себя её внимание.

Однажды мне повезло— наша классная руководительница Зоя Ильинична назначила нас с Галей

дежурными. Мы должны были в тот день следить за порядком и чистотой в классе, а после уроков — прибраться, протереть окна, помыть полы. И во время этого дежурства я пытался развлечь Галю всякими байками, шутками, забавными стишками и анекдотами.

— А ты ничо пацан, — сказала она, смеясь над моей очередной шуткой. — Я думала, ты маменькин сынок, а ты ничо...

— Скоро Новый год, давай сходим куда-нибудь! — предложил я.

— Ну, не знаю, — покачала она головой. — Я вообще-то с мамой встречаю. И с братиком.

— Ты ж не будешь с мамой и братиком все каникулы проводить? Со скуки помрешь!

— А чо ты предлагаешь?

— Пошли в дк железнодорожников на ёлку! — сказал я, показывая большой палец. — Там шикарная ёлка, и подарки дают отличные, и горка прямо в зале.

— Да ты чо? Какая горка?

— Ну, такая... прямо в большом зале, с балкона до пола — из линолеума... катушка классная! И Дед Мороз со Снегурочкой, и концерт отличный! А в фойе — танцы под джаз! Буги-вуги, рок-н-ролл!

— Да ты чо? Не врешь?

— Гадом буду! Я в прошлом году ходил!

— И чо — танцевал стилем?

— И рок, и буги!

— Да ты — стилияга?!

— А то! У меня есть и брюки узкие, и башмаки на толстой подошве... И галстук с попугаем!

— Где? Покажи!

— Ну не буду ж я в школу в таком прикиде ходить... Зоя Ильинична сразу к завучу пойдёт, а тот — предкам пожалуется... А вот на ёлку в дк — приду запросто! Пошли со мной?

— А пошли! Мне тогда тоже надо принарядиться по-стильному... Юбочку покороче, туфельки на каблуках... Ага?

— Ну конечно, Галчонок! Пошли, не трусь! Ты же взрослая уже девчонка!

— Ладно, уговорил. А когда это, если конкретно?

— Сразу после Нового года, второго января. У меня и билеты уже есть. Две штуки.

— Да ты чо? Ну ты даёшь!

— Значит, договорились?

— О'кей, пацан. Я с тобой играю!

— А я — всерьёз. Ты мне нравишься, Галка.

— Ладно, ладно. Ты тоже мне нравишься. Значит, второго января, в двенадцать, ну, то есть в полдень, зайдёшь за мной. Щас адрес напишу... Вот! Улица Кирова, дом тринадцать... я буду во дворе ждать.

Я взял шпаргалку с адресом — и с нетерпением стал ждать назначенной встречи.

Побывал я на новогодних ёлках и в школе, и в гостях у бабушки, и на центральной городской площади, и дома с мамой отметили, как же без

этого, правда, без папы, но он обещал придти через пару дней... но с особым волнением ждал я, когда же мы с ненаглядной Галочкой окажемся вместе во Дворце культуры железнодорожников, куда мне достала билеты моя мама, работавшая в ту пору в управлении железной дороги экономистом. Сама же мама пойти не захотела.

И вот он настал, долгожданный день, — я отправился на своё первое свидание, к Гале, которая жила на другом конце города. До этого я ни разу у неё не был, но у меня же хранилась её записка с адресом. «Улица Кирова, дом 13, в 12 часов, буду ждать во дворе».

Улицу я нашёл быстро, а вот нужный дом словно куда-то пропал, исчез. Я несколько раз прошёл по улице туда и обратно — дом девять, одиннадцать, пятнадцать, семнадцать... дом двадцать, восемнадцать, шестнадцать, четырнадцать, двенадцать, десять... А где же дом номер тринадцать? Что за чертовщина?! Я спрашивал у прохожих, заходил во дворы, думал, может, тринадцатый номер где-то в глубине двора, на отшибе... Никто мне не мог ничего объяснить!

Я вышел на центральную улицу, обратился в киоск «Справочное бюро» — и некая злая девица мне буркнула, что, мол, этот дом находится там, где и должен находиться, — то есть на улице Кирова, между домами номер одиннадцать и пятнадцать. — Но там нет дома под таким номером! — воскликнул я.

— Не шути, мальчик. Не отвлекай меня от работы!

Что ж, я продолжил поиски — но тщетно, дом номер тринадцать как сквозь землю провалился.

Я спросил у прохожего — хмурого дядьки:

— Вы не подскажете, где тут дом номер тринадцать на улице Кирова?

— А это вовсе не улица Кирова, — хмыкнул дядька. — Это улица Троцкого.

— Да вы что?! Такой улицы нет в нашем городе! И быть не может!

— Как это — нет? Я живу в доме пятнадцать по улице Троцкого уже три года. А раньше, до революции, она называлась Монастырской...

— Что за бред?! До какой революции?

Дядька лишь рукой махнул — и прошёл мимо.

А я растерянно огляделся по сторонам. Где ж она, улица Кирова, дом тринадцать?..

Было уже поздно, совсем стемнело, когда я, после долгих блужданий, наконец-то увидел на стене пятиэтажного дома желанную табличку: «Улица Кирова, №13»... Что за наваждение?!

Я кинулся во двор этого дома, огляделся. Гали не было видно. Какие-то мальчишки катались с горки, а возле подъезда, в инвалидной коляске, сидела дряхлая старушка в пуховике и вязаной шапке, со слуховым аппаратом в ушах. Она посмотрела

на меня подслеповатыми карими глазами и криво улыбнулась.

— Всё-таки пришёл...— еле слышно произнесла старушка.— Пацан сказал— пацан сделал... Долго же ты до меня добирался...

— Кто вы?— прошептал я.

— Как—кто? Я Галя Аронова...

— Галя, это—ты?!—ужаснулся я.

— А кто же ещё? Не прошло и шестидесяти лет, как ты пришёл... Явился, не запылится... Билеты-то не потерял?

— Ка... какие билеты?

— Ну ты даёшь! В дк железнодорожников, на ёлку... А почему ты не в узких брюках, и ботинки не на каучуковой подошве?

— Вы о чём?

— Ну, ты, пацан, совсем не похож на стилиягу!

— А вы совсем не похожи на Галю...

— На кого ж я похожа?

— На Бабу Ягу... Ох, простите. Я не хотел вас обидеть, бабушка...

— Да ты на себя посмотри, Кощей Бессмертный!— и она захихикала жутким, отвратительным смехом.